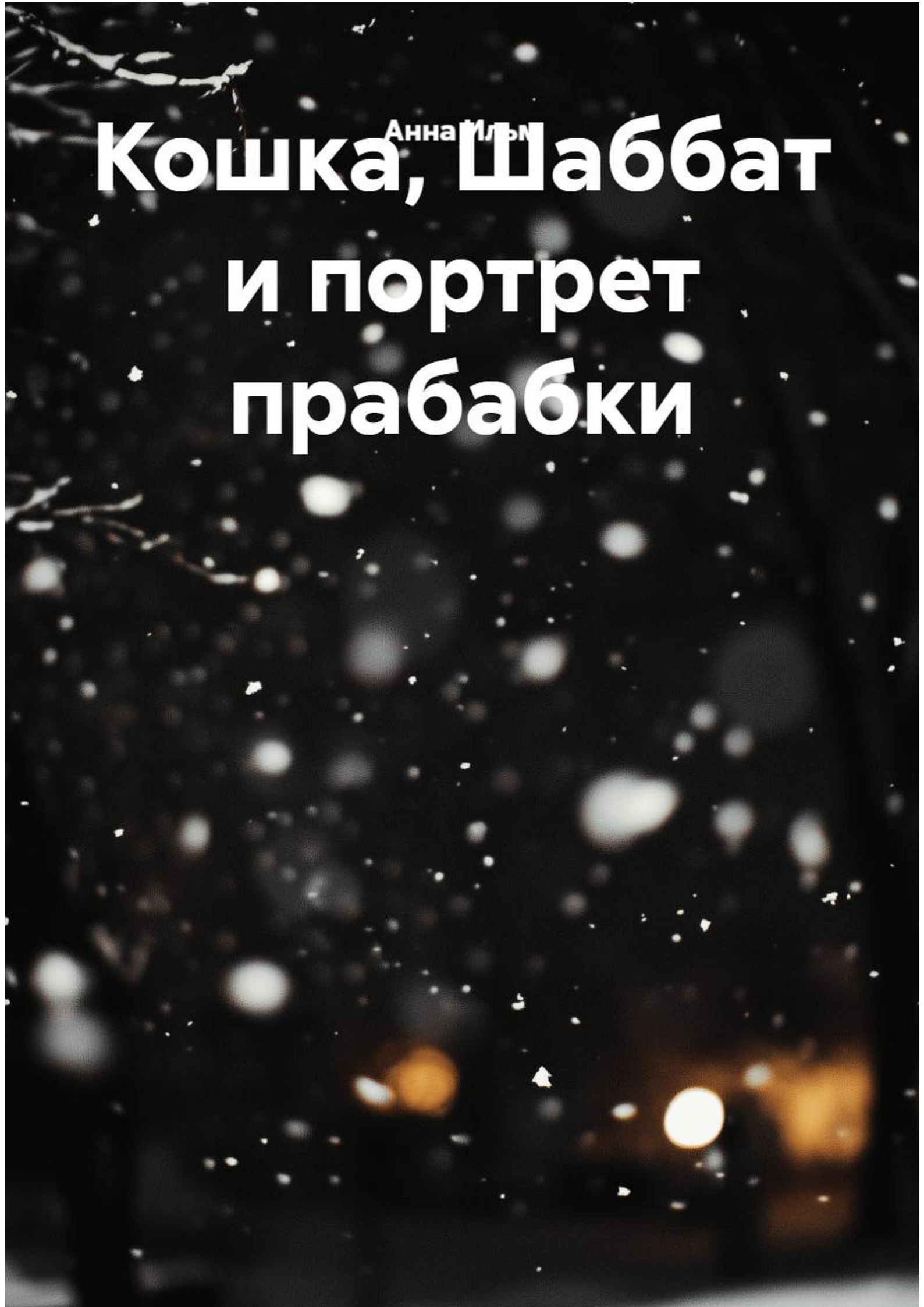




Анна Илѝм

Кошка, Шаббат и портрет прабабки

Анна Ильм

**Кошка, Шаббат и
портрет прабабки**

«Автор»

2026

Ильм А.

Кошка, Шаббат и портрет прабабки / А. Ильм — «Автор», 2026

Алёна привыкла к порядку. В её квартире всё разложено по полочкам, люди появляются строго по расписанию, а единственное живое существо, нарушающее это правило, — кошка, которая просто молчит и смотрит. Алёна считает, что это и есть счастье: тишина, чистота, никаких неожиданностей. Но однажды ночью является прапрабабка. В старомодном платье, с тяжёлой палкой. И заявляет: «Ты отвечаешь за посуду». Посуда, как выясняется, осталась в Варшаве, откуда прапрабабка бежала в тридцать девятом. Где она теперь — неизвестно. Как, впрочем, и за что именно отвечать. С этого сна начинается история, в которой найдётся место и шумной семье Барановичей с их субботними свечами, и обманутой московской старушке, и разорённому бизнесмену, и бывшему оперу с ноутбуком. И, конечно, посуде. Которая, кажется, вовсе не про тарелки.

© Ильм А., 2026

© Автор, 2026

Анна Ильм

Кошка, Шаббат и портрет прабабки

Роман. Книга первая.

ПРОЛОГ

Всё началось со сна. Обычно мне снятся профессиональные кошмары: договоры, из которых исчезают существенные условия, оппоненты в суде, принимающие облик крупных грызунов, или собственные процессуальные речи, которые я произношу почему-то на латыни, которую не учила. Но тут было другое.

Мне приснилась прапрабабка.

Я никогда не видела её при жизни, только на единственной сохранившейся фотографии, которая потом, совершенно некстати, поедет со мной в командировку. Но во сне я узнала её сразу. Во снах вообще многое узнаёшь без объяснений – это, пожалуй, единственное их полезное свойство.

На ней было то самое платье, в котором она, по семейным преданиям, проходила последние лет двадцать своей земной жизни. Коричневое. С кокеткой. Наглухо застёгнутое на все пуговицы – от ворота до подола, будто она готовилась к химической атаке или к ежегодной проверке у парторга. Длина в пол, рукава длинные, а на локтях – аккуратные вставки-заплатки. Не для красоты, разумеется, а по причине того, что локтями она упиралась во время обеда в стол, контролируя процесс принятия пищи каждым домочадцем. Контроль был тотальным.

В руках она держала палку. Не трость, не модный аксессуар, а самую настоящую деревянную клюку, коричневую, лакированную временем и, кажется, чужими страхами. Эту палку, как мне часто рассказывал отец (с той особенной интонацией, когда не хочется вспоминать, но приходится), прапрабабка во время семейных обедов вешала на край стола. Буквально. Вешала так, чтобы она всегда была под рукой, и грозно обводила взглядом присутствующих. Не дай Бог кто-то оставит несъеденным хоть кусочек. Палка была не столько орудием воздействия, сколько символом неотвратимости. Работало безотказно.

И вот эта женщина стоит посреди моей кухни. Моей стерильной, вылизанной, идеальной кухни, где я, собственно, никогда не ем – только пью кофе, стоя у окна, чтобы ни крошки, ни пятна. Кухни, где нет и никогда не было ничего, что нельзя было бы протереть влажной салфеткой за тридцать секунд.

Прапрабабка оглядывается. По тому, как дрогнул её подбородок, я понимаю: моя кухня ей не нравится. Но она молчит. Тычет палкой в стену, и на стене проступает – нет, не дыра, а контур. Контур огромного деревянного шкафа с резьбой и стеклянными дверцами.

– Видишь? – спрашивает она.

Голос у неё такой, каким, наверное, говорили с провинившимися интендантами в обозе ещё при Николае Втором. Без истерики, без повышения тона, но с ощущением, что возражения исключены системой.

Я киваю. Шкаф я вижу. Таких сейчас не делают. Такие делали, чтобы передавать по наследству, чтобы в них хранили не просто тарелки, а историю рода, завернутую в ажурные накрахмаленные салфетки.

– В нём посуда, – продолжает она. – Белая. Красивая. Теперь это твоё. И ты за это отвечаешь.

Я хочу спросить: в каком смысле отвечаю? Составлять опись? Страховать от боя? Протирать пыль по субботам? Но во рту сухо, и язык не слушается. Во сне всегда так – самые важные вопросы застревают где-то в районе нёба.

Она смотрит на меня. Взгляд тёмный, тяжёлый, бездонный. В нём нет злости, но нет и тепла. В нём то, что, вероятно, чувствует бухгалтер, обнаруживший недостачу: усталость и готовность наводить порядок любыми средствами.

Потом она разворачивается и уходит. Прямо сквозь стену, не потрудившись открыть дверь. А палка остаётся висеть в воздухе, секунду колеблется и с глухим стуком падает на пол.

Я просыпаюсь.

Сердце колотится где-то в горле. В комнате темно, только фонарь за окном рисует на полу бледные полосы. И выхватывает из темноты два зеленоватых огонька. На подушке сидит Кошка. Она смотрит на меня с выражением, которое я бы назвала профессиональным интересом. Будто я только что продемонстрировала нечто, достойное занесения в кошачий архив наблюдений за странными двуногими.

Я сажусь. На полу валяется моя собственная палка для селфи, которую я на днях купила под влиянием минутного помешательства и, кажется, так ни разу и не использовала. Должно быть, упала с кровати. Вот вам и вся мистика.

Но осадок остался. И вопрос: какой шкаф? Какая посуда? И главное – за что я, собственно, отвечаю? Я юрист. Я отвечаю за соблюдение процессуальных норм, за правильную квалификацию правоотношений и за то, чтобы доверитель не сел. Посуда в этот перечень не входит.

Утром я звоню маме. Осторожно, как будто случайно вспомнила.

– Мам, а у прапрабабки случайно не было старинного шкафа? Ну, такого, с резьбой, под посуду?

Пауза. Слышно, как мама ставит чайник. У нас пауза перед ответом часто заполняется чайником. Это наша безобидная игра, способ выиграть время.

– Был, – говорит она наконец. – А ты откуда знаешь?

– Приснилась она мне, – говорю я. – Вся в коричневом, с палкой.

Мама вздыхает. Я слышу, как она наливает воду в чашку. Церемония продолжается.

– Этот шкаф, Алёна, пропал задолго до твоего рождения. Ещё до войны. Когда прапрабабка приехала из Польши, у неё не было ничего. Совсем. Ни шкафа, ни посуды. Этот призрак шкафа с сокровищем уже давно стал легендой в нашей семье. Она никогда не рассказывала, что случилось. Но говорила: всё лучшее осталось там.

– Где – там?

– В Варшаве, – говорит мама. Помолчав, добавляет: – Она оттуда бежала в тридцать девятом. Одна. С этой палкой, между прочим. Палку спасла, а всё остальное...

Она не договаривает. Да и не надо договаривать.

Я кладу трубку и долго сижу, глядя в стену. Кошка трётся о ноги. Это её способ напомнить, что завтрак – это святое, независимо от того, какие призраки вас посетили.

Я иду на кухню, насыпаю ей корм и смотрю на свою белую икеевскую полку. Две белые кружки. Одна тарелка. Одна миска для кошки. Всё необходимое и ничего лишнего. Для одного человека – достаточно.

И вдруг меня накрывает.

Прапрабабка ведь не про шкаф говорила. Не про посуду. Она говорила про ответственность. Про то, что всё лучшее, что было, – белое, красивое, ценное – оно исчезло. Осталась только она сама, палка и память, которую никто не хочет хранить. А я здесь, в моей стерильной квартире, пытаюсь сделать вид, что меня это не касается. Что я сама по себе. Без корней, без прошлого, без долга перед той, кто бежала из Варшавы с одной палкой в руках.

Но прапрабабка так не считает.

И кошка, кажется, тоже. Она сидит у моих ног, доев завтрак, и смотрит на меня с тем самым выражением, которое я видела утром. В нём нет укора. В нём есть только констатация факта: ты часть этого, нравится тебе или нет.

Я беру с полки кружку. Обычную, белую, без единой трещинки. И думаю: а что, если та посуда всё ещё где-то есть? Что, если её можно найти? Что, если прапрабабка затем и пришла, чтобы сказать: ты за неё отвечаешь, значит, ты должна хотя бы попытаться? Попытаться, что? Найти её?

Бред, конечно. Полный бред. Я юрист, я не археолог, не детектив, не искательница семейных реликвий. У меня работа, договоры, дедлайны.

Но сон не выходит из головы.

Я ставлю кружку на место, смотрю на кошку.

– Ну и что ты думаешь? – спрашиваю я её.

Кошка зевает. Широко, со вкусом, демонстрируя полное равнодушие к моим метафизическим терзаниям. Но в этом зевке мне чудится что-то одобрительное. Или мне просто хочется так думать.

Я почему-то знаю: это только начало.

ГЛАВА 1. ИДЕАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Я просыпаюсь в семь утра, хотя могла бы и в девять – работа-то удалённая. Но привычка. Мама говорила: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт». Не знаю насчёт Бога, но подаёт точно: тишину, чистое небо за окном и полтора часа до первого звонка, когда можно спокойно пить кофе и никого не слышать.

Квартира у меня – мечта минималиста. Белые стены, белая мебель, никаких лишних вещей. Всё, что не используется каждый день, убрано в шкафы, а в шкафах разложено по коробкам и подписано. Я знаю, где лежит паспорт, где – запасные ключи, где – документы на квартиру, а где – фотографии, которые я не смотрю, но выкинуть рука не поднимается.

Я юрист. После ковида я поняла, что мир – это источник рисков, и свела контакты к минимуму. Парикмахер, маникюр, суд, встречи с друзьями – раз в год, по расписанию, как приём лекарства. Иногда мне кажется, что я – музейный экспонат: «Женщина в естественной среде обитания, рядом ни одного хищника».

Я не страдаю. Правда. Мне нравится моя чистота, мои книги, мой кофе в чашке, которую никто не брал. Я романтик, да. Я могу заплакать над фильмом, но в жизни я знаю: люди говорят «всё норм», а потом исчезают. И ты чувствуешь себя преданным, потому что для тебя «норм» было больше, чем для них. Я устала расшифровывать чужие коды. Я построила свою систему, где все сигналы чёткие.

Сегодня особенный день: ровно год, как у меня появилась кошка, нет, ровно года, как у меня появилась Кошка.

ГЛАВА 2. КОШКА

Она появилась неожиданно. Подруга попросила передержать: «На две недели, она тихая, пушистая, только кормить нужно, ну и гладить иногда. Проблем не будет». Я согласилась, потому что это было рационально: кошка не нарушит порядок.

Она не нарушила. Она ходила в лоток, спала в углу, не орала. Но однажды вечером я работала, а она запрыгнула на стол и села рядом. Просто села. И смотрела. Не просила еды, не требовала внимания. Просто была.

Я ждала, что она заговорит. Ну, знаете, как в тех дурацких фильмах, где животные дают мудрые советы. Но она молчала. И я вдруг поняла: она не говорит, потому что ей нечего скрывать. Она просто присутствует.

В моей системе координат любой контакт – это обмен. Ты мне – я тебе. А здесь – чистое присутствие. И в этот момент я увидела свою квартиру её глазами. Чисто. Пусто. Тишина, в которой никто не дышит, кроме меня.

Это не было больно. Это было как открытие: «Так вот ты какое, одиночество. Оказывается, это просто холл. Красивый, чистый, но из него никуда не ведут двери».

Кошка не открыла двери. Она просто показала, что они есть.

Две недели прошли, я позвонила подруге: «Забирай». Подруга сказала: «Оставь себе, я уезжаю». И кошка осталась. Мы не заключали договор, но я почему-то знала, что она будет молчать и смотреть. И этого достаточно.

ГЛАВА 3. РАЗГОВОР С ПОДРУГОЙ

Вечером того же дня, когда мне приснилась прапрабабка, пришла Элиана, Элька.

Элька – это отдельная статья моего жизненного бюджета. Мы дружим с института, что само по себе чудо, потому что дружба – это такой же рискованный договор, как и любой другой, только без письменной формы и с неопределённой подсудностью. Но с Элианой как-то сложилось. Возможно, потому что она психолог, а значит, её профессиональная деформация заключается в привычке раскладывать людей на составляющие, но делать это с такой искренней симпатией, что обижаться невозможно.

Она позвонила сама:

– Ты чего молчишь? Я тут кофе сварила, у меня новый сорт, умопомрачительный. Приезжай или я к тебе.

Я сказала: «Приезжай». Потому что ехать куда-то вечером – это нарушение всех режимов, а принимать гостей у себя я ещё могу контролировать. Чайник, чистая чашка, диван, Кошка. Всё предсказуемо.

Элиана ворвалась, как всегда, – с шумом, с пакетами (помимо кофе в термокружках, привезла ещё какой-то пирог, потому что «ты же вечно не ешь»), с поцелуями и с немедленным переходом к делу.

– Рассказывай, – сказала она, плюхаясь в кресло и мгновенно создавая вокруг себя уютный беспорядок из шарфа, сумки и ключей с милыми брелоками разных Сну-Снумриков – У тебя вид человека, которому явилось нечто.

Кошка, которая обычно не подходит к гостям, почему-то сразу запрыгнула к Элиане на колени. Это был дурной знак. Кошки чувствуют психологов. Вдвоем будут меня лечить, – поняла я.

– Явилось, – призналась я. – Прапрабабка.

Элиана не удивилась. Она вообще умеет не удивляться таким вещам – профессиональное.

– В каком смысле? – уточнила она, почёсывая Кошку за ухом. – В вещем? В галлюцинационном? В метафорическом?

– Во сне. Пришла во сне. В коричневом платье, с палкой. Сказала, что я отвечаю за шкаф с посудой.

Я рассказала всё. Про платье с кокеткой и заплатками, про палку, которую она вешала на стол, про шкаф, про белую красивую посуду. И про разговор с мамой.

Элиана слушала молча. Это у неё тоже профессиональное – умение молчать, когда надо. Потом спросила:

– А ты сама что думаешь?

– Я думаю, что у меня крыша едет, – честно сказала я. – Я юрист. Я должна оперировать фактами, доказательствами, нормами. А тут – сны, прабабки, посуда. Какое отношение это имеет ко мне?

Элиана посмотрела на меня тем своим особенным взглядом, который я называю «взгляд через увеличительное стекло». Она им пользуется, когда хочет сказать что-то неприятное, но полезное.

– Слушай, – сказала она, – ты помнишь нашу любимую институтскую шутку? Ну, про кошку?

– Если кошка разговаривает с вами – это нормально, – послушно процитировала я. – Но, если вы с кошкой – это шизофрения.

– Именно, – кивнула Элька. – Так вот, в твоём случае ситуация обратная. Ты не с кошкой разговариваешь. Ты с прапрабабкой. И это было бы нормально, если бы прапрабабка была жива и сидела сейчас на этом диване. Но она – во сне. А ты – наяву. И ты всерьёз обсуждаешь это со мной. Вопрос: кто из вас с кем разговаривает?

Я задумалась. Кошка, услышав знакомую фразу, приоткрыла один глаз и снова закрыла. Ей было всё равно, кто с кем разговаривает, лишь бы почёсывали.

– Ты хочешь сказать, что я схожу с ума? – уточнила я на всякий случай.

– Я хочу сказать, что сны так просто не снятся, – Элька перестала шутить и стала серьёзной. – Тем более такие яркие, с деталями. Ты говоришь, платье с кокеткой, заплатки на локтях, палка. Ты этого не могла знать, если не видела фотографий или не слышала рассказов. Откуда это в тебе?

– Мама что-то рассказывала. Когда-то. Наверное. Или отец.

– Вот именно – когда-то. А всплыло сейчас. И не просто всплыло, а явилось в образе, с инвентаризацией имущества. Как думаешь, почему?

Я молчала, потому что не знала. Или не хотела знать.

Элиана вздохнула, отставила Кошку (та возмущённо дёрнула хвостом) и подалась вперёд.

– Алёна, ты же умная женщина. Ты строишь свою жизнь как крепость. У тебя всё по полочкам, по расписанию, по договорам. Ты никого не выпускаешь, потому что боишься, что тебя предадут или просто не поймут. Я тебя знаю двадцать лет, я вижу. Единственное живое существо в твоём доме, которое просто есть, без условий – Кошка, И на фоне этого понятного тебе благополучия, тебе снится прапрабабка, которая говорит о посуде. Не о деньгах, не о квартире, а о посуде. О том, что хранят, передают, блюдут.

– И что это значит? – спросила я, хотя уже начинала догадываться.

– А это значит, что твой род, твоё семейство, твои корни – они не в прошлом, – сказала Элиана. – Они в тебе. И они требуют, чтобы ты наконец заняла своё место за столом. Не за тем, где палка висит, а за тем, где собираются, общаются, едят, разговаривают, ссорятся, мирятся. Где посуда не просто стоит в шкафу, а используется. Где тарелки бьют, а потом склеивают. Где жизнь идёт, а не замерла в идеальном порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.